

матур! 4) (для выражения внезапности) кинэт; Как вскочит, как стукнет кулаком по столу! — Кинэт сикереп торып йодырыгы белэн өстэлгэ китереп сукмасынны или кинэт сикереп торды да өстэлгэ йодырыгы белэн китереп сукты! 5) (союз сравнительный) кебек, шикелле... -дай; Наш сад как проходной двор, через него и ходят и едят — Беанең бакча үтеп йөрешле йорт шикелле, аннан жэяу дэ, ат белэн де үтеп йөрелэр; 6) буларак, булуягынан; Пушкин как лирик — Пушкин лирик буларак; 7) (союз временной) ...-ганда ...-ышлый; Как поймешь в кино, зайди за мной — Кинога барганда (барышлый) миңа кер; 8) (союз временной) ... -ганнан соң ...-ганга; Прошло два года, как мы познакомились — Беа танышканнан соң (танышканга) ике ел үтеп китте (или ике ел булды инде); 9) (союз исключительный) гына... -дан башка; Большие некому, как Петру Ивановичу — Петр Иванович кына эшлэгэндер моны или Петр Ивановичтан башка берәү дэ эшләмәс моны; 10) (союз условный) (разг.) әгәр... икен; Если он что задумал, то его не переубедить — әгәр ул берәр нәрсәне ният иткән икән, ул бакытта аны бер нәрсә белән дэ жинә алмасын.

◇ Беда как, ужасно как и т. п. — Бик, үтә; Ужасно как хочется есть — Бик ашыйсы килә. Вот как! (разг.) — шулаймыни. Как будто — әйтерсең, гуя, гүяки; бугай... -дай... -сыман; Устал так, как будто воз на себе тащил — Шул эстәле ардым, әйтерсең жылкым кутареп бер йөк алып бардым; Он как будто на лето собирался в Крым — Ул жәйгә Кырымга барырга жымнан иде бугай. Как бы не (разг.) —... -ый күрмәсеннәр; Смотри, как бы не обманули тебя — Кара, алдый күрмәсеннәр сине. Как бы то ни было — ничек кенә булмасын, ничек кенә булса да. Как вдруг — кетмәгәндо, кинэт. Как видно — күрәсең. Как нарочно — үч иткәндәй. Как так! — ничек инде ул! Как нельзя, как можно — мөмкин кадәр. Как раз — нәкъ. Как только —... гач та ...-гач ук... -үбелән; Как только вернешься — Кайткач та, кайткач ук, кайту белән. Как следует — тиешенчә, житәрлөк.

*

Отдельные части речи русского языка не всегда передаются теми же частями речи татарского языка. Например, некоторые наречия русского языка передаются глагольными формами татарского языка или некоторые прилагательные русского языка передаются наречиями татарского языка. Как на пример такой передачи можем указать на наречие *неведомек* и прилагательное *детский*. Видя при слове *неведомек* помету «наречие», составители русско-татарского словаря издания 1941 г. решили, что и в татарской части статьи должны быть даны только наречия: *абайламыйча, уйламыйча, шайләмичә*. Между тем этому наречию в татарском языке соответствуют глагольные формы: *сизми калу, башка, килмәү, төшенә алмау, аңлай алмау*, в чем мы убеждаемся при переводе, например, таких выражений: *Аему и неведомек — Аның башына да килмәгәннәр; Мне неведомек, чего он хочет — Аның ни теләгәннә мин төшенә алмыйм*.

Одно из значений прилагательного *детский* в татарском языке передается наречием *балаларча*, в чем мы убеждаемся при переводе сочетания *детское рассуждение* — *балаларча фикер йөртү*.

Составители русско-тюркских словарей безусловно должны учесть все указанные выше особенности оформления слов и не повторять ошибок прежних словарей.

Р. С. Газизов

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД СОСТАВЛЕНИЕМ РУССКО-ТУРКМЕНСКОГО СЛОВАРЯ

Создание двуязычных русско-национальных словарей, в данном случае русско-туркменского, является для национального языка своего рода «экзаменом на зрелость». Ведь русская часть словаря, составленная Государственным издательством иностранных и национальных словарей, содержит в себе все основное богатство лексики современного русского языка. И вот этот грандиозный по богатству материал необходимо сделать доступным для всех народов СССР, столь сильно нуждающихся в русско-национальных словарях.

Трудность работы над словарями для таких языков, как туркменский, заключается еще и в том, что параллельно с их составлением авторы должны решать и другую сложную задачу — задачу нормализации национального языка, в данном случае туркменского. Это значит, что переводчики словника должны с большой чуткостью и умением отбирать слова, понятные повсеместно и точно соответствующие материалу словника.

Идейное направление словарю дает словник. Но и при наличии хорошо составленного словника переводчик не гарантирован от искажений и таких переводов, которые могут вызвать двусмысленное толкование. К последнему может привести, например, в туркменском языке формальное отношение к соблюдению единообразия при переводе русских глагольных форм. Так, в начале работы над переводом словника было установлено, что инфинитив типа *сохранить* будет переводиться туркменской формой на -мак — -мек, т. е. *сакламак*. Что же касается имени действия типа *сохранение*, то его было решено передавать формой *саклама*. Правда, в большинстве случаев из контекста бывает ясно, что эта форма, несмотря на внешнее совпадение, не является формой повелительного наклонения с аффиксом отрицания, но когда этот контекст недостаточно развернут и ясен, может возникнуть двусмысленное толкование. Например, словосочетание *сохранение мира* в переводе *парахатчылыгы саклама* может быть понято как «не сохраняй мир»; чтобы этого не случилось, лучше переводить это словосочетание или как *парахатчылыгы сакламасы*, или как *парахатчылыгы сакламак*, т. е. формой, которая и была принята также как эквивалент инфинитива.

К сожалению, у некоторых составителей словарей еще существует мнение, что принцип единообразия должен соблюдаться в передаче форм словообразования даже там, где это соблюдение приводит либо к искажению смысла, либо к неупотребительным, мертвым формам. Но дело в том, что перевод словарного материала значительно отличается от перевода связного текста. Если переводчик последнего может в ряде случаев подобрать соответствующие синонимы или перевести то или иное слово описательно, то составитель словаря не может себе этого позволить. Переводя каждое слово, лексикограф встречается с той трудностью, что изолированное слово имеет более общее значение, чем то же слово в контексте примера, данного в этой словарной статье. Перевод же изолированного слова желателен если и не однословный, то и не очень избыточный синонимами.

Так, слово *отлив* в смысле «отенок» более или менее точно можно перевести словом *өвүшюн*. Пример же *черный с синим отливом* из-за необходимости использовать первоначальный перевод передан так: *гök өвүшгичлиги гара реңк*. Гораздо лучше было бы перевести: *gök өвүсийн гара реңк*, но существительное *отлив* нельзя переводить причастием *өвүсийн*. Кроме всего этого, прибавлено слово *реңк* «цвет», так как *гара* имеет целый ряд иных значений. Переводный словарь, содержащий материал таких типологически различных языков, как русский и туркменский, конечно, не преследует цели дать точное сопоставление слов в грамматическом плане, но какое-то единообразие в передаче определенных форм должно быть.

Одним из сложных вопросов при составлении русско-национального словаря является вопрос о границах использования в словаре заимствованных слов и терминов. Ошибаются те составители словарей, которые при передаче общественно-политической терминологии ищут иногда синонимы на национальном языке, в данном случае ищут «сугубо туркменские» слова. Огромная масса советско-интернациональных слов не только вошла в тексты газет и журналов, но и стала понятием широчайшим массам трудящихся нашей республики (как и трудящимся всех братских народов нашей страны). Поэтому при подборе терминов необходимо опираться на переводы произведений классиков марксизма-ленинизма, на тексты наших газет и журналов и брать из них все то, что в достаточной степени уже внедрилось в общенародный язык.

Понятен широким слоям и целый ряд бытовых слов, вошедших в туркменский язык через посредство русского языка: *самовар* в форме *семавар*, *ведро* в форме *бедр*, *кружка* в форме *куруже*, *помидоры* — в форме *памадур* (*памазор* — в говоре некоторых аулов волнии Мары), *чайник* в форме *чайнек* и много других. Историк языка не пропел бы и мимо такого слова, как *бэжэу*: этим словом прикаспийские йомуды называют действие людей, волоком тянущих судно (ср. у Н. А. Некрасова: *по бурлаки идут бечевой*). Но такие слова ценны лишь для истории языка, им в переводном словаре, который должен нормализовать национальный язык, нет места; ведь говорят те же прикаспийские йомуды *сибише* и *какра*, но в литературном языке *спички* называются *отлы чеп*, а словосочетанию *как раз* есть ряд соответствий.

Помимо всех этих более или менее общих вопросов, перед лексикографом возникают также и вопросы мелкие; например, при переводе имен существительных: можно ли такое русское слово, как *шуба*, переводить словом *имчек* «овчинная шуба» (иногда, может быть, на каракулевых шкурках); не будет ли это параллельно к тем переводам, где и *сосна* и *осина* превращены в *мозисежелник*? Так как нет дифференциации слов *облако* и *туча* (и то и другое *булут*), то как поступать при переводе этих слов? Большую трудность представляет перевод родовых понятий: так, *овощи* имеют весьма расплывчатое соответствие в виде *gök önümлер* «зеленые продукты», тогда как видовые понятия передаются легко: «капуста» — *келем*, «морковь» — *кешир*, «огурец» — *хыяр*, «лук» — *соган*, «перец» — *бурч* и т. д.

Слова типа *объявление*, *обнародование* при переводе требуют ясности: какого залога глагол взят в основу этих имен действия. Так, *объявление приговора суда* будет вернее,

как *судың карарының ыган эдилмеги*, а не *судың карарыны ыган этме* — это буквальное соответствие и звучит не по-туркменски и по смыслу дальше первого варианта. Есть еще один способ передачи, например: *опубликование статьи — макаланың чап эдилиши*, но здесь речь идет уже не столько о факте действия, сколько об образе действия: как шло печатание статьи или как она напечатана. Вместе с тем большую трудность представляет перевод таких слов, как *одухотворенность, благоговение, обожествление*. Будь эти слова в тексте, а не в словаре — способ передачи найти было бы легче. В такого типа словах невозможны ни толкования, ни односложная передача. Помочь может здесь только подбор типических примеров для иллюстрации.

Совершенно особые трудности встречает составитель словаря при переводе прилагательных, причастий и наречий. И здесь отсутствие иллюстративного материала совершенно недопустимо. Так, прилагательное *одинокий* в сочетании *он почувствовал себя одиноким* лучше передать специальным глаголом *ол екесиреди*. Переводя прилагательное *оглушительный*, составители словаря имели в виду громкость звука и перевели это слово словом *чиркин*: *чиркин сес* «оглушительный крик», что вполне соответствует истинному значению. Но сочетание «оглушительный гром» нельзя перевести как *чиркин гурлусу*, так как в туркменском языке этому словосочетанию соответствует целое предложение *Гөк гаты гурледи* «Небо сильно гремело».

При переводе глаголов бросаются в глаза два момента: 1) несовпадение управлений падежей, 2) трудность в передаче совершенного вида.

Так, в сочетании *овладеть знаниями — билими өгешдирмек* русский творительный падеж соответствует в туркменском винительному падежу; в сочетании *обеспечить строительство кирпичом — гурлушыгы кирпичден үлжун этмек* русский творительный падеж соответствует туркменскому исходному падежу; при переводе сочетаний с глаголом *озирать — өзә гездирмек* русский винительный падеж соответствует туркменскому дательному-направительному падежу; для перевода глагола *окрылить* грамматически более подходит *ганат багламак* (буквально: «привязать крылья»), но как раз в народном языке эта форма употребляется в смысле «окрылиться», «обрести крылья». Ср. у Мехтумкули:

*Гадам ерине ганат баглап учар мен,
Дийсе дилбер: ашык, йөр бизим сары!
«Не поступью пойду, обрету крылья, полечу,
Если милая скажет: влюбленный, следуя в нашу сторону!»*

Поэтому глагол *окрылить* приходится передавать в словаре в понудительном залоге — *ганат багламак*. То же следует сказать и в отношении некоторых других глаголов; например: *омыть чем-либо — юмак нәмә*. Можно, конечно, сказать и *нәмә билен*, но это сочетание основного падежа и послелога *билен* звучит искусственной, чем форма дательного-направительного падежа. Между тем есть мнение, что творительный падеж более соответствует основному падежу + *билен*. Это не всегда верно: так, *окутать шю шарфом* лучше перевести, как *бойнына шарф доламак*, чем *бойныны шарф билен доламак*. То же касается и формы *окутаться чем — доланмак нәмә*.

Грамматического соответствия не требует и перевод таких пар, как *ямак* «опалить» и *ялмак* «опалиться» вместо ожидаемой формы *якылмак*. Или еще пример: *чумдурмек* «окунуть», но *чуммек* «окунуться» (без аффикса возвратного залога).

Что же касается передачи совершенного вида русского глагола, то в большинстве случаев она достигается использованием составных конструкций. Так, *крикнуть* будет не *гыгырмак*, а *гыгырып гойбермек*. Особое значение имеют глаголы с приставками — *отвезать* и *вывезать*, которые следует переводить дифференцированно, так же, как и глаголы *езать* и *довезать*; с другой стороны, все эти глаголы необходимо отличать от глагола *идти*. В туркменском переводе в этих случаях приходится всегда давать пояснительное слово *улагып*, т. е. «посредством транспорта, не пешком».

Прошедшее категорическое время туркменского глагола чаще соответствует русскому несовершенному виду. Поэтому совершенный вид приходится давать сложными конструкциями. При этом семантику каждого отдельного примера приходится учитывать особо. Так, *река замерзла* не может быть переведено как действие, свидетелем которого был говорящий (ведь он застал реку уже замерзшей), и потому данный оборот приходится передавать формой, образованной от причастия на *-ыл/-ип* + аффикс настоящего времени: *дера доңудыр*. Эта форма по значению близка к английскому Present Perfect-у: действие совершается в прошлом, результат продолжает иметь значение и в настоящее время.

Видовые оттенки туркменского глагола не совпадают с русскими. Это не значит, конечно, что они не могут быть переданы средствами русского языка, речь идет о несопадении морфологическом. Так, аффикс *-ай/-эй*, присоединенный к корню, образует вид глагола, который называет действие, совершаемое помимо воли и разрешения другого: *Менә гидэйжек* «А я возьму да пойду» (хотя я и должен был не уходить). Деепричастие на *-а/-е* + *вер* образует вид, выражающий особенно радужное отношение другого

лица к совершающему действие: *гелевери* «пожалуйста, входи! добро пожаловать!». Несколько слабее этого вида по эмоциональности другая форма типа *гели* + *бер*, *бери* + *бер*; значение: «входи, не стесняйся, иди, следуй туда — не стесняйся». Есть вид, в котором за данным, быстро совершаемым действием должно последовать другое, более медленно проходящее: *барылжык сорадым* «пришел и спросил» (деепричастие *барыл* + аффикс уменьшительности *жык*). Вообще же грамматическая категория вида туркменского глагола вовсе не разработана — и это немало затрудняет нашу работу.

Русский словарь нашего словаря весьма богат стилистически различным и исторически в разное время возникшим лексическим материалом. Таковы, например, устаревшие слова и сочетания слов, которые необходимы для чтения произведений русских классических писателей, пословицы, поговорки, различного рода образные выражения и пр. Трудны для перевода на туркменский язык, например, такие сочетания, как *стоять у края стремнины*, *обветшавшая кровля*, *черный с синим отливом* и т. д. Наречие *вперегиб* дано в словаре без иллюстрирующего материала (Ср. у А. С. Грибоедова: «И он сгибался вперегиб»). Если авторам словаря кажется неудобным давать словосочетания *сгибаться вперегиб*, то почему бы не прибегнуть прямо к читателю?

Что касается пословиц, то они, как известно, переводятся с возможной точностью. Некоторые высказываются за подмену русских пословиц параллельными туркменскими. Это, конечно, неверно, так как пословицы — произведения русского народного творчества и задача заключается не в объяснении их путем подмены, а в ознакомлении с ними туркменского читателя. А кроме того, как подобрать параллель к таким пословицам, как *Любишь кататься, люби и саночки возить*, или *На печи не хвлябись, а в поле не трусь*? В Туркмении нет ни такого глубокого снега, чтобы кататься на санках, ни печей, на которых спят. Подобные пословицы должны быть хорошо переведены и объяснены. И лишь потом они могут быть снабжены параллелями из туркменских пословиц, если это так необходимо.

Совсем иным способом делается перевод образных выражений и идиоматических оборотов. Буквальный перевод здесь почти исключен. Могут быть случаи, когда буквальный перевод имеет диаметрально противоположный смысл. Так, туркменское *говне деемек* буквально соответствует примерно русскому «коснуться души». Но значит этот оборот — «нанести обиду». А русское образное выражение *сказать с сердцем* вовсе не есть *йуурекли айтмак*, так как подобное сочетание *йуурекли* с *айтмак* вообще не употребляется. И потом *йуурекли* значит «отважный». Приведенное выражение лучше передать лишь по смыслу. Бывают и такие случаи, когда фразеологическое словосочетание имеет почти буквальное соответствие, и параллельно с ним существует лексически от него далекое, но по смыслу и употреблению почти одинаковое выражение. Таково приветствие *Добрый вечер*, которое чаще переводят как *Агшамыңыз хайырлы болсын* «Пусть ваш вечер будет благополучным» и тут же в общенародной речи употребляют вечернее приветствие: *Гич яшш*. Д. Бердыев и В. Бабкин, справедливо критикуя наличные туркменские словари¹, вместе с тем неправы, отрицая goodness варианта *Гич яшш*. Лучше было бы, может быть, предложить оба варианта.

При работе над переводом словаря было отдано предпочтение письменным формам, а не разговорным. Здесь не было учтено, что и в письменных текстах, газетах, журналах могут быть неудачные примеры. Поэтому избежать живого общенародного языка, особенно при передаче фразеологических словосочетаний — значит дать одиозный, сухой и мало полезный словарь. Специфические особенности языка проявляются в самых разнообразных формах и поимно идиомов. Так, пришлось выдержать довольно сильно борьбу с переводчиками, которые *бабье лето* перевели буквально *гелей томусы* и не дали дополнительного толкования. С другой стороны, русский глагол *отпеть* только в смысле «кончить петь» на туркменский язык переводится тремя способами: о человеке — *айдым айдып болмак*; о птице — *сайрап болмак*; о петухе — *гыгырып болмак*. По-русски *однорукий* значит лишь «лишенный одной руки». Перевод на туркменский язык это слово, приходится учитывать, что *еке зали* будет всего-навсего «человек, лишенный помощников»; так обычно говорят о женщине, которая должна смотреть и за детьми, и за хозяйством без чьей-либо помощи.

Таковы наши первые наблюдения над составлением русско-туркменского словаря. Учет сущности специфики обоих языков, стремление дать точные, сжатые и полезные переводы — вот что руководило всем нашим молодым коллективом в этой сложной, но всегда интересной работе.

З. Б. Мухаммедова

¹ См. Д. Бердыев и В. Бабкин, Важная задача туркменских языковедов, сб. «Вопросы орфографии, пунктуации и терминологии туркменского языка» («Материалы II Лингв. съезда ТССР»), Ашхабад, 1953, стр. 46—47.